

Юлиан Климович

Запахи

Размышления о греховности

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлиан Климович

Запахи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66836968
SelfPub; 2021*

Аннотация

Эзотерический рассказ-фантазия об экзистенциальной трансформации человека.

Содержит нецензурную брань.

Юлиан Климович

Запахи

Ополовиненное крышами закатное солнце устало освещало внутренности двора, с бессистемным нагромождением нескольких разноэтажных домов и изъеденными глубокими колдобинами вихлявыми асфальтовыми дорожками, большинство из которых никуда не вели. Когда я подходил к дому, мне послышался слабый запах нарциссов. Оглянувшись по сторонам, я увидел чуть слева по ходу в глубине палисадника небольшую клумбу этих чудесных цветов, уже начавших увядать, но все еще испускающих ни с чем не сравнимый аромат. Пройдя дальше по дорожке несколько метров, я оказался под черемухой, по-весеннему тянущей ветви вверх. Пройдет два месяца и ее ветви бессильно опустятся в неравной борьбе со своей листвой и многочисленными веточками, усеянными черными ягодами, и мне придется, пригибая голову, проходить под ней. Зайдя в подъезд, ощутил запах влажного закрытого помещения, в котором несколько суток на полу перед дверью, зеркально поблескивая уже тонкой полоской, входящих поджидала лужа с дождевой водой, видимо всякий раз собирающаяся здесь, о чем говорили, как говорят о возрасте годовые кольца деревьев, ее многочисленные высохшие контуры на коричневой криво положенной плитке. Запах мокрого металла, исходящий, от холодных ба-

тарей отопления, потеющих крупными желтоватыми каплями конденсата, смешивался со слабым запахом терпких набравших влагу рекламных газет, из длинного ряда почтовых ящиков, протянувшегося от входа в подъезд до дверей лифта. Прошел мимо ящиков и в нос сразу ударил, сминая и забывая все остальные запахи, масляный запах краски, которая свежо лоснилась серым на наличниках входа в лифт. Странно, но никаких биологических запахов не чувствовалось совсем. Даже обыкновенного запаха жареной картошки, или мяса, или щей в этом застывшем воздухе не было. Мне подумалось, что жители дома не только никогда не держали кошек или собак, но и сами здесь не живут, приходя только включить на время свет, а затем выключив, уходят в настоящие, жилые квартиры, расположенные где-то в другом месте, поддерживая таким образом иллюзию жизни в доме. Двери лифта гостеприимно разъехались в разные стороны. В кабине пахло горячим хлебом, французскими травами и салями. Запах в совокупности с хмелем, плотным зеленым одеялом уютно закрывавшим окно напротив лифта, создал мимолетную иллюзию, что я нахожусь где-то на южном морском курорте, с набережной густо заставленной столиками под большими парусиновыми зонтами, между которыми ловко, почти бесшумно снуют официанты, разносящие белое вино, пиво, недавно выловленных морских гадов, пиццу и дымящиеся стейки в прожарке “midle”, а теплые волны вкрадчиво и прозрачно накатываются раз за разом на мел-

кую гальку пологого берега, сопротивляясь воле все набирающего силу ночного бриза, насыщенного запахом эвкалипта. Створки закрылись и меня потянуло вверх в железной с разнообразными скрипами кабинке. Тринадцатый этаж возник незаметно из волн и пены, как Даная, подарив новый запах свежеструганной сосновой доски и олифы. Кто-то поменял раму на площадке, заботливо проолифив все дерево широкой кисточкой, оставив при этом неряшливые желтоватые мазки на стекле. Запах пыли, которая небольшими кучками, едва уловимо реагируя на резкие движения воздуха, плоско и серо лежала в углах площадки напоминая о бренности всего сущего, пробрался в нос и там решил остаться. Здесь, как и на первом этаже, никакого запаха еды или человеческого присутствия не ощущалось, а только были плоские, односложные запахи неживой искусственной природы. Открывая дверь на площадку с квартирами, я наконец почувствовал присутствие людей – услышал слабый запах духов и табака. Когда дверь за мной с лязгом закрылась, я остановился и прислушался. Стояла мертвая тишина. Из-за дверей всех четырех квартир, находящихся на длинной хорошо освещенной ярким электрическим светом площадке, не доносилось ни звука. В воздухе добавился запах блестящих резиновых сапогов, тщетно ожидающих на новеньком коврике перед одной из дверей, что кто-то выйдет и наденет их. Весь их вид говорил о желании пройтись. Сапоги, расходясь под углом в тридцать градусов друг к другу, дружно и с на-

деждой смотрели своими блестящими глянцевыми носам в направлении лифта. Причем один стоял немного впереди и складывалось впечатление, что они сами, не дожидаясь человека, уже начали шагать к выходу. Еще немного постояв, я вставил ключ в замочную скважину одной из четырех дверей. Механизм с хрустом, показавшимся чрезвычайно громким в тишине дома, повернулся, отпирая чуть скрипнувшую дверь. На меня, как и на площадке перед лифтом, пахнуло сухой пылью, только воздух оказался прогретым недавно веселящимся здесь солнцем. Внутри все также было беззвучно, а начавшие царить сумерки округляли и сглаживали очертания предметов. Окна, выходящие на глухую стену дома напротив, в сером свете наползающей ночи чернели прямоугольниками на фоне светлых обоев. Я закрыл за собой дверь, развязал и снял туфли. Шнурки прямо раскинувшись в разные стороны, будто швартовые канаты заякорили обувь у входа. Осторожно, чтобы не пропустить ни звука я прошел навстречу окнам. Я все надеялся услышать хоть один звук или запах, говорящий о присутствии живых людей, но звенящая тишина и плоские, односложные запахи, говорили о противоположном. В какой-то момент мне показалось, что я очутился в совершенно другом измерении, где существуют только я, и все что происходит, происходит только для меня – единственного зрителя и актера. Я заметил, что в последнее время все события вокруг странным образом так или иначе касались меня. Сюжет в новостях, случайно увиденная

книжка, фраза прозвучавшая в кино, все напоминало о моих собственных мыслях, каких-то событиях, недавних или давно минувших, которые происходили со мной, или рядом со мной. Порой складывалось впечатление, что кто-то таким образом хочет мне что-то сказать.

Встав возле окна, я начал наблюдать за улицей в надежде увидеть хотя бы одного человека, но быстро наступившая темнота, нехотя отгоняемая единственным сгорбленным фонарем, давно потерявшем смысл своего существования, заливала реальность черным. Я открыл раму, но кроме запаха сирени, принесенного снизу волной остывающего влажного воздуха, ничего не услышал. Как кошка входит в незнакомую комнату, медленно и осторожно, ватная тишина, не останавливаемая и не прерываемая никем и ничем, прокрадась в открытое окно заполнив собой все пространство квартиры. Ощущение, что я погрузился под воду, и теперь кроме тяжелого стука собственного сердца и размеренного дыхания ничего вокруг нет, полностью завладело мной. Неестественности происходящему добавляло еще и то, что несмотря на отсутствие освещения, все предметы, находящиеся в квартире, просматривались до мельчайших деталей. Это было похоже на взгляд через увеличительную линзу, когда в фокусе все четко и близко, а на периферии размыто и плохо различимо. Диван, покрытый старым скатанным пледом, округло вырисовывался возле стены, резко смотря на меня витиеватым рисунком красно-черного горного пейзажа. Со-

ветский хрусталь в стеклянном шкафу вычурно непонятно от чего блестел гранеными узорами, а буквы газеты, лежащей на столе, были все до единой различимы, но никак при этом не складывались в слова. Сначала я попытался прочесть предложение, но у меня ничего не вышло, казалось, что кто-то пригоршнями рассыпал буквы по бумаге и так оставил, немало не заботясь о смысле. Немного помучавшись, я бросил попытки сложить буквы в слова и сел в глубокое кресло. Плотнo закутав в тишину, неподвижность и терпко-влажный запах сирени, дом отключил меня от внешнего мира. На мгновение закрыв глаза, я как будто отключился. Когда же через секунду я открыл их, передо мной в воздухе зыбко чернея висел человек в шляпе и что-то записывал в черный блокнот. Отчего-то я твердо знал, что он вписывает мое имя в книгу жильцов этого дома. Сперва мне даже польстило, что я записан и посчитан, но секунду спустя страх начал наполнять ноги, поднимаясь все выше, залез в голову, и вспыхнув яркой молнией, переродился в ужас, парализовавший все тело. Этот ледяной ужас кричал в голове надрываясь, что здесь нет ни одного жильца, потому что их здесь и не должно быть, и если меня записали, то меня тоже не должно уже здесь быть, и должен ли я вообще теперь где-либо быть совершенно непонятно.

– Добрый вечер, – не поднимая глаз от блокнота произнес человек.

– Здравствуйте, – машинально ответил я, хотя от ужаса ни

один мой мускул не двигался. Оцепенение полностью охватило меня. “Наверное я поздоровался мысленно”. Подумав так, я попробовал пошевелить губами и языком, но у меня ничего не вышло.

– “Здравствуйте” – звучит немного легкомысленно в данной ситуации, – произнес он иронично, посмотрев наконец на меня.

От этих слов ужас, наполнивший меня до самых краев, как вода ванну, ледяной волной прошел сверху вниз, и ударившись об пятки опять пошел к макушке, поднимая по дороге каждый имеющийся у меня на теле волосок.

– Да, легкомысленно и странно. Неужели вы сами этого не понимаете, Павел Петрович?

Очертания мужчины при этих словах обрели резкость и он твердо уперся черными ботинками в пол так плотно, что у меня создалось впечатление, что он как дерево растет из него. “Возможно он и есть дом”, – пролетела в пустом мозгу шальная испуганная мысль.

– Возможно, но это не самое главное в нашем с Вами разговоре, – не подтверждая, но и не опровергая мою мысль, откликнулся он.

Человек, ни на миллиметр не пошевелив “приросшими” к полу ногами, сел в материализовавшееся под ним красное кресло “а-ля шестидесятые”, которое я сразу узнал. Это кресло все детство и отрочество стояло в моей комнате, героически перенося испытания, которым я его подвергал на

протяжении шестнадцати лет, а потом бесследно сгинуло в пыли многочисленных переездов.

– Знакомо? – спросил черный человек, постукивая пальцами по побитому молотком полированному подлокотнику.

– Конечно, это мое любимое кресло, – ответил я, сумев наконец выдать из себя хоть какие-то звуки.

– Не трудитесь говорить, Павел Петрович, я вас и так прекрасно понимаю.

– Вот эти отметины на полировке я сделал отцовским молотком в пятилетнем возрасте, – подумал я, и показал глазами на правый подлокотник.

– Знаю, знаю, – ответил он несколько небрежно, и продолжил, – вы даже теперь неким образом стыдитесь своего детского необдуманного поступка, что несколько неправильно, я бы сказал.

– Почему? – искренне удивился я. – Побив молотком кресло, я испортил его. Это плохо. Глупо, конечно, стыдиться поступков, которые совершил в пятилетнем возрасте, но это же нормально.

– В пятилетнем возрасте люди исследуют окружающий мир, пробуют его “на зуб”. Просто это одна из многих ваших исследовательских работ. Не переживайте, вы отнюдь не одиноки в своем методе. – Он немного помолчал. – Нормально стыдиться своих поступков?

– Ну да, не все поступки хорошие, поэтому плохих надо стыдиться.

– Скажите, вы верите в Бога?

– В общем-то да, – чуть помявшись, ответил я.

Я никогда не отвечал на такие вопросы, но в данной ситуации этот принцип был абсолютно неуместен.

– Значит вы верите, что Он источник всего на свете?

– В общем-то да, – повторился я.

– Значит вы должны верить в то, что и плохие человеческие поступки – это Его работа?

– Нет. Есть же дьявол-искуситель-падший ангел, вот он и соблазняет нас, а Господь не может заставлять нас поступать плохо. Он наделил нас свободой воли, поэтому мы сами можем выбирать между добром и злом.

– Значит Он не может заставлять людей совершать плохие, отвратительные поступки, – черный человек покивал головой, записывая что-то в блокнот. – А позволять дьяволу заставлять людей их делать, – продолжил он рассуждать, – он может, ерго, – он поднял вверх узловатый указательный палец, который оказался неприятного цвета слоновой кости, – Он не добрый?

Я немного запутался. Ужас отступил перед необходимостью логически разрешить проблему, навязанную Черным человеком без лица. Отсутствие глаз, рта и всего остального меня больше не пугало и не отталкивало. В обстановке этого странного дома он смотрелся почти органично.

– Почему? – оступело спросил я.

– Потому что по Вашему мнению, Он не может чего-то

не мочь, значит, либо Он не добрый, как вы про Него думаете, поскольку вы все-таки совершаете плохие поступки, либо Он не всемогущ. Что предпочитаете: первое или второе? – Черный человек откинулся в кресле назад и пристально посмотрел мне в глаза.

Странно было ощущать пристальный взгляд, но не видеть самих глаз. У меня по спине опять побежали мурашки, а ладони покрылись холодным потом.

– Мне кажется ни то, ни другое, – незаметно вытирая ладони о брюки, произнес я. – Но свобода воли...

– Правильно, – одобрительно покивал головой черный человек. – Тогда что? – он слегка наклонился вперед, ожидая ответа.

– Что? – автоматически повторил за ним я.

– Тогда оказывается, что “плохих” поступков не существует.

– Это как это? – удивился я. – Плохие поступки существуют. Не убий, не укради, не прелюбодействуй, не чревоугодничай, не жадничай и так далее по Библии, – с ходу процитировал я несколько заповедей. – Борьба добра и зла за душу человека.

– Шаблоны, стереотипы..., – скучающе констатировал он. – Это вы все напридумывали и приписали Ему. Нет, конечно, вас людей понять можно, надо было как-то выживать, вот вы и придумали себе нормы морали. Поделили все на “добро” и “зло”. К злу отнесли все, что мешает выживанию,

а к добру все что помогает. Теперь человечество вышло на принципиально другой виток развития, теперь перед вами не стоит задача физического выживания, сегодня надо самосовершенствоваться в направлении интеллектуальном, а для этого людям надо убрать все запреты, блоки и тормоза в виде всевозможных глупых религиозных и гуманистических догм, которыми вы обросли за время развития.

– Перестать верить в Бога что ли? – я с недоумением посмотрел на черного человека.

– Ему от того что вы верите или не верите не холодно, не жарко, поверьте.

– Тогда что, зачем?

– Затем, что надо менять свою жизнь и уходить от дурацких моральных правил.

– Что, плюнуть на “не укради”?

– Ну да.

Черный человек слегка посветлел, через его фигуру стало проглядывать кресло. Запах сирени усилился. Моя голова потяжелела, опять наполнившись тупым непониманием. Сознание отказывалось принимать мысль о “дурацкости” морали, по которой человечество жило не одно тысячелетие. Мой мозг закоротило.

– Простите, а Вы кто?

Не найдя решения проблемы морали, я попытался перевести разговор в более понятное для меня русло, и выяснить кто же передо мной сидит, перейти, так сказать, на лично-

сти. Его высказывания, вызывающие ступор, были настолько противоестественны, что даже фантастический облик черного человека совершенно не объяснял и не оправдывал их.

– Мои мысли как раз не противоестественны, – ответил он помолчав. – Вообще, Павел Петрович, можете называть меня Эмиссаром. – Вы давным давно ушли от естественности. Когда люди придумали понятие греха, тогда человечество отправилось скитаться по пустыне морали, уродуя себя и своих детей чувством вины за желания. Неужели вы думаете, что Он, создав человека, мог наделить вас чем-то плохим? Любое ваше желание есть желание твари Его.

– Разве желание убивать не плохое? – Я почувствовал как пот течет по спине. “Блин, куда я попал? Господи, за что мне это?” – взмолился я.

– Нет, – просто ответил мой визави.

– Что “нет”? – спросил я, не поняв его фразы.

– Желание убивать не плохое, – терпеливо объяснил он.

– Если убивать хорошо...

– Я не сказал, что “хорошо”, я сказал, что это не плохо.

Если быть точным, мы говорили о желании, а не о действии, но на самом деле это без разницы. Хотеть убивать и убивать – это не “плохо” и не “хорошо”. Это просто желание убийства или убийство себе подобного. Не более того.

– Правильно ли я понимаю, что если я кого-нибудь убью, это не будет плохим поступком?

– Правильно. Но это не значит, что надо кого бы то ни бы-

ло убивать. И что надо вообще кого-нибудь убивать. – Черный человек смотрел, скорее просматривал меня пристальным взглядом и даже по-моему улыбался. – Видите ли, – начал он медленно, – все должны жить для того чтобы развиваться и достичь гармонии, называемой людьми счастьем. Этого хочет Он. Свободы воли, в которую вы верите также как в мораль, не существует. В людях не живет ни добро, ни зло, так же как хищник не плох, оттого что он хищник, а его жертва не хороша, оттого что она жертва.

– Но если убрать моральные правила, люди уничтожат друг друга.

– Глупости. Убивать заставляет вера в то, что кто-то хуже тебя, поэтому этот другой достоин смерти, а ты в праве лишить его жизни. Все ваши войны, все до единой, велись из-за разделения на “плохих” и “хороших”, причем воюющие стороны считали себя непременно хорошими. Не кажется ли Вам, дражайший Павел Петрович, что человеческие правила очень, очень относительны, и, соответственно, неверны?

Я задумался. Доводы черного человека показались мне разумными, но весь мой здравый смысл восставал против такого рода изменения правил человеческого общежития.

– Но в быту, принцип “не укради” сдерживает людей от анархии, и прививает чувство уважения к чужой собственности, и это хорошо. – У меня появилась уверенность, что я нашел нужный аргумент против этической системы черного человека.

– Опять глупость. Воровать не “плохо”, а не рационально, поскольку вор должен помнить, что также легко могут своровать у него, и поэтому, чтобы не ввергать общество в самоуничтожение и перманентный грабеж, никто не должен этим заниматься.

– Но за воровство, грабеж и убийство должны же наказывать, тех кто все-таки это совершил?

– Наказание предполагает преступление, а где Вы видите преступление, если нечего преступать?

– Извините, но это бред какой-то, – меня начала раздражать это явная глупость. – Убийство – это преступление! Лишение жизни человека – это тягчайшее преступление, которое наказывается смертной казнью. Ни один человек не в праве лишать другого жизни. – Мне даже не пришлось ничего изображать, праведное возмущение переполняло меня.

– Вы только что сказали, что ни один человек не в праве лишать другого жизни, но тут же заявили, что убийца должен быть казнен. На лицо явная логическая неувязка. – Эмиссар спокойно рассматривал меня, явно копаясь в моих мозгах.

– Убийцу приговаривает к смерти суд.

– И что, суд состоит не из людей? Законы пишут не люди? – Мне показалось, что он улыбнулся.

– Но хотя бы так мы упорядочиваем свою жизнь, – почти с негодованием ответил я ему.

– Вы так уродуете себя и свою жизнь, – он удрученно бросил руки на подлокотники. Ручка и блокнот бесшумно упав

на пол, оплыли и растворились. – Жадность, лень, любострастие, любопытство, все это не пороки, за которые надо наказывать, а естественные свойства любого человека, его природа. А вы собственную природу объявили врагом и ведете с ней непримиримую войну. Человечество все время пытается себя загнать в рамки, в то время как надо всего лишь признать, что вы все равнозначные субъекты био-социального бытия, в котором не существует нормы, а следовательно и отклонений от нее. Сегодня человечество вышло из детского возраста, когда маленький человек еще не понимает где заканчивается его личное пространство, и начинается чужое, не хуже и не лучше его, просто чужое. Сегодня люди уже готовы вступить во взрослую жизнь, где нет дурацких напридуманных ограничений.

– Эмиссар, Вы поэтому так называетесь, что принесли эту “благую весть” нам, людям?

– Вы догадливы, поэтому Вас, Павел Петрович, выбрали в числе еще нескольких тысяч людей, для распространения, как Вы изволили сказать, “благой вести”, и Ваша ирония в данном случае совершенно излишня.

– Слушайте, я ведь сейчас сплю? – вытерев о колени опять вспотевшие вдруг ладони, спросил я.

Весь разговор меня напрягал до тех пор, пока я не представил, что сплю. Вообще все эти странные мысли, могли быть уместными только во сне, и вся отмена человеческой морали не могла происходить наяву по-настоящему. Я убеж-

дал себя в этом все снова и снова. Эмиссар все время с интересом наблюдал за мной и моими мыслями. Не перебивая, он слушал, пока я не запутался под его пристальным молчаливым вниманием. Так бывает, когда кто-то незнакомый внимательно следит за Вами, и Вы, начав сомневаться в своих действиях, начинаете присматривать за собой как бы со стороны и теряете нить рассуждений, или забываете зачем и куда шли, и что делали. Видимо под влиянием моих метаний, а может каких-то других соображений, он прервал мой ставший путанным затянувшийся монолог.

– На самом деле не важно где Вы, важно то, что я Вам рассказываю, и что Вы вынесете из этого разговора, но к сожалению, пока Вы не понимаете о чем я говорю.

Черный человек встал. До того скрытые сиденье и спинка кресла предстали передо мной знакомой продавленной поверхностью. Эмиссар вышел на кухню. Послышался звук зажигаемой газовой конфорки.

– Кофе будете, Павел Петрович?

– Не откажусь, – я на удивление легко встал и прошел на кухню вслед за ним.

Чуть кислотовато запахло газом и кофе. Хотя ночь уже давно плющила о стекло окна свою морду, лампу мы не включили. Света синего шипящего пламени хватало, чтобы разглядеть незатейливую обстановку кухни состоящую из пары навесных, и таких же напольных шкафчиков, укрытых одной столешницей, небольшого холодильника, мойки, стола и

трех табуретов. На крыле мойки лежала одинокая сковородка, кастрюлька, да пара кружек. Я посмотрел на Эмиссара, помешивающего ложечкой кофе в турке, и подумал как же он будет его пить. Его гладкая лицо-маска снизу равномерно освещалась гудящим газовым огнем. “Как манекен”, – подумалось мне. Черный человек на этот раз ничего не ответил, казалось он полностью был поглощен приготовлением кофе. Через три минуты он убрал уже начавшую закипать турку с огня, разлил кофе по кружкам. Глядя на ароматный кофе, я лишился остатков страха и почувствовал легкую негу. “В конце-концов все не так уж и страшно”, – подумал я расслаблено. Я подошел к плите, но Эмиссар вдруг схватил мою руку и с силой, сравнимой с мощью бульдозера, подвел ее к пламени. Нестерпимая боль пронзила меня всего до каждой клеточки. Я пытался вырваться, но рука не двигалась ни на миллиметр, будто ее придавил большой железобетонный блок. К кислотоватому запаху кофе добавился отвратительный запах жареного мяса. Я отчетливо слышал как лопается кожа на руке, но мой беззвучный, истерический крик не мог заглушить этого мерзкого звука. Когда мне сверлят зуб, то осознание, что визг бура происходит от моей кости, повергает меня в панику. Вообще любое вмешательство в организм воспринимается мной, как насилие. Сейчас все мои страхи реализовались в полной мере. Тщетность попыток освободиться, закручивала спираль истерики и лишала остатков разума. Несмотря на адскую боль, со мной не случилось боле-

вого шока, и я не потерял сознания. Когда я на подкошенных ногах, бессильно и не на что не надеясь, болтался как тряпичная кукла, он разжал пальцы и я тут же упал на пол, баюкая здоровой рукой сторевшую до мяса правую.

– Кто я по Вашему, Павел Петрович? – сев на табурет и взяв кружку с дымящимся кофе, спросил Эмиссар.

– Вы Дьявол, – с ненавистью прокричал я.

Он взял мою руку и вылил на нее дымящийся кофе. Я мог ожидать всего чего угодно, но только не того, что боль мгновенно уйдет, а за секунду до того изуродованная обожженная рука, вдруг станет прежней, как будто ничего и не было.

– Так кто я? – Повторил он вопрос, протягивая вторую кружку кофе мне. – Пейте, – он кивнул на кружку.

У меня не осталось даже воспоминаний о пережитой только что боли, поэтому я взял предложенный кофе и, отпивая маленькими глоточкам, стал обдумывать ответ.

– Теперь не знаю, – задумчиво сказал я, – скорее всего все равно дьявол.

– Поставлю вопрос по-другому: что я сделал?

– Сначала зло, затем добро. Но можно было обойтись и без зла, тогда и добро такое не потребовалось бы делать, поскольку в данном случае одно следствие другого.

– Правильно, – покивал он как бы подтверждая, свои мысли, – Вы опять совершаете свою ошибку. Человечество всю сознательную историю живет в этой дуалистической модели и не может выйти из нее. По этой логике добро и зло уравни-

вешивают друг друга, и между ними постоянно идет борьба, так уверял Заратустра, но это не так. Я уже говорил Вам, Павел Петрович, что это абстрактные категории, которых на самом деле нет. Я просто совершил нерациональное действие, перейдя границы личного пространства причинил Вам боль, а затем совершил рациональный поступок, восстановив статус-кво. Конечно, простой человек не может вернуть все назад, но для этого он как раз и должен помнить о своей ответственности и возможностях, когда собирается совершить тот или иной поступок, предпринять то или иное действие, ведь нерациональный поступок отдаляет его от счастья. Человечеству стоит только захотеть мыслить рационально и начать стремиться к счастью, к по-своему индивидуально чувствуемому счастью, и он обретет смысл жизни. У всех счастье разное, и в этом гарантия того, что каждый сможет его достичь. Счастье не может быть общим, оно сугубо индивидуально.

– А как же душа, любовь, это разве может быть рациональным?

– Душа формулирует представление о счастье, а любовь инструмент для его достижения. Он, – Эмиссар поднял свой указательный палец вверх, – наделил вас всем необходимым. Теперь человечество повзрослело, и не нуждается в десяти заповедях, которые сберегали людей от самоуничтожения. Теперь вам надлежит следовать только одной: “ищите и обрящите”, но не забывайте одного важного обстоятельства – счастье в вас.

Я проснулся в кресле в своей квартире на третьем этаже с окнами во двор-колодец. В наступивших сумерках предметы потеряли резкость, и немного округлившись мимикрировали под общую серость. Запах кофе и сирени, витал в воздухе. Подойдя к окну, я открыл его и выглянул наружу. Ни одно соседское окно не светилось. На дне колодца, утопая в темноте тесного прямоугольника, кое-как втиснутые в ряд, залегли три машины. Та что посередине – алела тусклыми габаритными огнями и тарахтела старым надорванным мотором, исторгая из себя немыслимые объемы дыма, обильно светящегося в красном. Вся высота шестиэтажного непродуваемого столба воздуха была наполнена ядовитыми газами без единого вкрапления запаха зелени, тем более цветов. Закрывая окно, я пытался понять, что же мне сейчас все-таки приснилось. Старая рассохшаяся рама никак не хотела закрываться. Через щель начали просачиваться выхлопные газы, агрессивно вытесняя все остальные запахи и отравляя воздух. Пришлось приподнять провисшую раму и с силой захлопнуть. Зазвенели стекла, но непослушная рама встала на место, отрезав меня от шума и чада. “Вот теперь гораздо лучше, а то угореть можно насмерть от этой чертовой машины”.

Не отойдя еще толком ото сна, я хотел сразу засесть за ноутбук и накидать иронично-злой рассказ об Эмиссаре, но пройдясь по обширному залу несколько раз взад-вперед, я успокоился и решил сначала выпить чаю. В конце-концов хо-

телось не спеша еще раз обдумать странный сон, который я помнил до мельчайших подробностей, попытаться связать с ним непонятно откуда взявшийся запах сирени в квартире. Только я успел поставить чайник на конфорку, как в дверь позвонили. “Странно, кто бы это мог быть?” – удивился я, ведь жена и дети должны вернуться с дачи только через два дня. К нам никто не приходит без предварительного телефонного звонка, слишком далеко мы живем от друзей и родственников, чтобы просто так “заглянуть к нам на огонек”. Я подошел к двери и посмотрел в глазок. Наверное космическая “черная дыра” выглядит светлее, чем то что я увидел. “Лампочки что ли перегорели?” – подумалось мне.

– Кто там? – тихо спросил я.

– Я это, – ответил низкий мужской голос.

Несмотря на то, что голос я не узнал, а в глазок ничего не было видно, я повернул ручку замка, поддавшись на безыскусность ответа. Дверь тут же распахнулась и в квартиру ввалились два парня. Их лица отчасти скрывали накинутые капюшоны грязных толстовок, но для себя я определил возраст парней где-то в двадцать пять лет. Они оба были в засаленных джинсах и кроссовках.

– Закрой дверь, дядя, – походя обратился ко мне тот, что повыше.

Такая наглость меня поразила, я потерял дар речи, кроме того, я испугался. Также послушно как я открыл дверь, те-

перь я ее закрыл. Эти двое принесли с собой запах выхлопных газов, застарелого, ввевшегося в одежду дыма дешевых сигарет и амбре ацетона. В совокупности все это произвело на меня действие подавляющее волю. Второй раз за сутки я переживал сильнейший стресс, который ни разу в жизни мне еще не доводилось испытывать, тем более два раза подряд.

– Ну че, дядя, – повернувшись ко мне своим серо-желтым лицом, с острыми скулами и лихорадочно блестящими глазами, произнес тот, что повыше, – денюжки дашь взаймы? Мы будем тебе очень благодарны. Вот он, – высокий указал на второго оттопыренным мизинцем с длинным грязным ногтем, – сильно нуждается в средствах, и он, дядя, будет сильно благодарен тебе за хороший займ наличными или чем-нибудь еще ценным, что ты нам отдашь.

– Кончай трещать, пи..бол, – прервал его второй.

Этот тоже выглядел изможденным, но все еще вполне крепким и пока не до конца растратившим свои жизненные силы. Речь его была хотя и нервной, но твердой, и выдавала жесткого решительного человека, а сбитые кулаки и широко расставленные короткие ноги говорили о спортивном прошлом, либо боксера, либо какого-то единоборца.

– Мужик, – медленным движением руки, как будто проведя рукой по волосам, он откинул назад капюшон, под которым обнаружилась почти круглая голова с прямыми светлыми русыми волосами, – ты нам по-тихому бабки отдай и мы уйдем, в натуре базарю.

Он смотрел на меня глазами пустыми, как если бы он смотрел на банкомат, в который вставил карточку и теперь со спокойной уверенностью ждал когда тот выдаст деньги. Наличные конечно у меня были, но отдавать их я совершенно не хотел. Насколько далеко они могут зайти я не понимал, но отчего-то верил, что они не смогут надолго у меня задержаться. Чтобы как-то потянуть время, и подтвердить свою догадку я задал вопрос: “это ваша машина стоит внизу с заведенным двигателем?” Невысокий, а именно он был за водителя ответил: “Да, мы торопимся. Отдай по-хорошему все и мы быренько слиняем, в натуре базарю. Больше повторять не буду”. Он подтолкнул меня к входу в зал.

– Давай, давай, мужик, не задерживай нас, – пихая меня в спину произнес он.

– У меня ничего нет, – вдруг ни с того ни с сего уперся я.

Я и сам не понял почему это произнес. Возможно смелости мне придала их спешка, которая могла помешать грабежу, а может быть странный сон, после которого все происходящее сейчас со мной не выглядело абсолютной дикостью. Их коптящий драндулет должен скоро привлечь внимание соседей, которые поднимут крик, вызовут полицию, и этим двум конченным наркоманам придется бежать. Я где-то читал, что от героиновых наркоманов пахнет ацетоном, у них происходит сбой или изменение в обмене веществ, поэтому я предположил, что эти двое сидят на героине. Естественно, я не размышлял над этим специально, просто голова у ме-

ня работала сама по себе, выдавая какие-то решения и умозаключения, не утруждая сознание в осмыслении всего, что видимо вихрем проносилось в мозгу. Когда вы сидите над какой-нибудь проблемой и пытаетесь ее решить путем логических умозаключений, это нормальный осознанный мыслительный процесс. А вот когда ваша голова, выдает вам решения по не заданным вопросам и не поставленным задачам, как будто вытаскивая очередного туза из рукава, тогда вы задумаетесь о всей сложности человеческого мозга, если у вас конечно будет возможность пережить экстремальную ситуацию, вызвавшую такой всплеск умственной активности.

Зайдя в зал, невысокий без лишних разговоров ударил меня в лицо кулаком. Я упал навзничь, больно ударившись затылком о подлокотник дивана, но сознания не потерял. Зажимая рукой разбитый нос, я смотрел как невысокий обшаривает шкафы и книжные полки.

– Ребята, а вы знаете, что грабить это грех? – спросил я высокого, присевшего рядом со мной на диван.

– Грех деньги зажимать, когда люди страдают, дядя, – ответил высокий. – Что ты знаешь о страданиях, умник? – Отвечая мне, он внимательно следил за действиями напарника. – Ты в курсе, что тебе никто не поможет? Мы тебя вычислили, когда ты закрывал окно. Во всем вашем гребанном колодце больше нет ни души. Вот он, – высокий кивнул в сторону напарника не посмеяв больше показывать на него пальцем, – легко и непринужденно завалит тебя, если ты не от-

дашь нам то, чего мы хотим. Через час нам будет уже настолько плохо, что ты и представить себе не можешь, а ты мне про грех какой-то лепишь.

Второй вдруг отошел от шкафа и коротко, без замаха пнул меня по ребрам. Сильнейшая боль пронзила меня. Я схватился обеими руками за бок, размазывая кровь из носа по лицу, одежде, по полу.

– Хватит пи... деть, помогай давай, – сказал он со злостью высокому.

Тот вскочил и бросился в спальню. Невысокий вернулся к шкафу. Мои надежды на избавление рухнули после слов высокого о том, что соседей никого нет, а из действий и состояния невысокого мне стало ясно, что все намного, намного серьезней, чем я предполагал.

– Ты меня расстроил, мужик, сильно расстроил, за это я тебя кончу, в натуре базарю, – не оборачиваясь сказал вдруг невысокий.

Он произнес это просто, без угрозы, как констатацию свершившегося факта. Я все понял, мне не надо повторять по два раза очевидные вещи. В это время засвистел закипевший чайник. Борясь с пронизывающей болью в боку, я пополз на кухню. Невысокий даже не обернулся на мои движения, видимо считая, что копошения червяка перед тем, как его насадят на крючок не заслуживают внимания. Добравшись до плиты, я отключил газ. Превозмогая боль, я встал на ноги и открыл ящик со столовыми приборами и ножами.

Стараясь не шуметь, вытащил свой любимый нож, с деревянной ручкой и тонким острым лезвием. Он всегда хорошо наточен, потому что в нашем доме только я занимаюсь разделкой мяса и рыбы, а делать это лучше всего острым ножом. Все произошло очень быстро. Вдруг прекратился звук сбрасываемых на пол книг, и быстрыми шагами на кухню вошел невысокий. Я стоял лицом ко входу, заведя руки назад, и опираясь ими о столешницу. Правая рука, в которой я сжимал нож, не была видна из-за спины. Не останавливаясь невысокий подошел ко мне. Он опустил обе руки вдоль тела, как делают боксеры прежде, чем встанут в стойку, и сжал кулаки. Не раздумывая и не сомневаясь ни секунды, понимая, что это мой единственный шанс, я коротко ударил его ножом в грудь. Невысокий совершенно не ожидал этого, его глаза широко открылись и почти сразу стали стеклянными. Мне невероятно повезло, я попал ему в сердце. Он не сразу упал. Постояв еще секунд пять, будто раздумывая, невысокий свалился кулем на пол. Меня тут же вырвало на его ноги.

Я стоял согнувшись над распластанным телом невысокого, и вновь переживал ощущение, как нож входит в плоть, как негромко хрустят межреберные соединения, а самое главное, я ощущал легкую посмертную дрожь лишённого жизни тела, которое снова и снова вызвало у меня непреодолимый приступ тошноты. Вопреки воспитанию, жизненному опыту, у меня на душе не появилось и тени раскаяния от того, что я мгновение назад убил человека. Я просто пере-

живал омерзение от встречи со смертью, и от того что мне было позволено сделать это, пусть даже в целях самообороны. Но в тоже время я и не чувствовал какой-нибудь жажды убийства, или чего-то в этом роде. На меня навалилась невероятная усталость.

На звук упавшего тела из спальни прибежал высокий. Увидев на полу приятеля с ножом в сердце, он молча развернулся и кинулся к входной двери. Широко распахнув ее, высокий выскочил на лестничную площадку, и широкими прыжками буквально ссыпался вниз, марш за маршем. Почти одновременно хлопнула дверь подъезда и взревел двигатель тарангаса. Звук удаляющейся машины сразу замолк, поглощенный арками проходных дворов нашего старого квартала. Я с мертвым телом остался в одиночестве на кухне.

В воздухе витала крепкая смесь запаха крови, горячего металла, блевотины, ацетона и по-новому понятой свободы.